

Глава 1

Спешные приготовления к свадьбе

Поухаживал, женился — вот и вся история.

Александр Росс

— Эдит! — тихо окликнула Маргарет. — Эдит!

Но, как она и подозревала, Эдит погрузилась в сон. Уютно устроившись на софе в малой гостиной особняка, стоявшего на Харли-стрит, она выглядела великолепно в своих синих лентах и белом муслине. Если бы Титания, королева фей и эльфов, надела белое платье с синими лентами и прилегла на софу, обитую темно-красным дамастом, ее было бы не отличить от Эдит. Маргарет вновь поразились красотой своей кухни. Они с детства росли вместе, и каждый человек в их окружении неизменно отмечал миловидность Эдит, но Маргарет не обращала на это внимания до нескольких последних дней, когда перспектива скорой разлуки с любимой подругой усилила очарование и все достойные качества, которыми та обладала.

Они говорили о свадебных платьях и церемониях, о капитане Ленноксе и о том, что он рассказывал Эдит об их будущей жизни на Корфу, где располагался его полк. Кухина сожалела, что вряд ли сможет поддерживать фортепьяно в настроенном виде (неприятность, которую Эдит, очевидно, считала самой страшной из тех, что могли приключиться в ее замужней жизни). Затем речь зашла о платьях, необходимых ей для поездки в Шотландию, куда они собирались отправиться сразу после свадьбы. Постепенно голос Эдит начал затихать, стал более сонным, и через несколько минут Маргарет с улыбкой обнаружила, что, несмотря на шум в соседней комнате, Эдит, свернувшись в мягкий калачик из муслина, лент и шелковистых локонов, погрузилась в спокойный послеобеденный сон.

Маргарет хотела рассказать кузине о мечтах и планах, взлелеянных для своей будущей жизни в сельском доме родителей, куда она приезжала лишь на светлые праздники, поскольку последние десять лет жила в особняке тети Шоу. Однако собеседница уснула, и ей, как часто прежде, пришлось безмолвно размышлять о переменах в своей жизни. Это были радостные мысли, хотя и слегка окрашенные сожалением из-за разлуки на неопределенное время с милой тетушкой и дорогой кузиной. Пока она с умилением думала о важных обязанностях единственной дочери в доме хелстонского приходского священника, до нее доносились обрывки фраз из соседней комнаты. Там после званого обеда тетья Шоу развлекала пять-шесть дам, чьи мужья задержались в столовой. То были близкие знакомые — соседи, которых миссис Шоу называла друзьями просто потому, что ей доводилось обедать с ним чаще, чем с другими людьми. И так уж сложилось, что, если тете хотелось что-то от них или им от нее, они без стеснения заходили друг к другу в дом перед ланчем.

Этих господ пригласили на прощальный обед в честь предстоявшей свадьбы Эдит. Поначалу невеста возражала против такого мероприятия, поскольку ее жених, капитан Леннокс, обещал приехать этим вечером на последнем поезде. Но, будучи избалованным ребенком, она оставалась слишком беспечной и ленивой, чтобы настаивать на своем. Мать уговорила ее, заказав для торжества всевозможные лакомства, которые, как правило, всегда одолевали чрезмерную печаль невест на подобных прощальных обедах. Тем не менее Эдит почти не притронулась к еде. Она выглядела мрачной и рассеянной, пока все присутствующие радовались островам мистера Грея — джентльмена, который на обедах у миссис Шоу всегда сидел на дальнем конце стола. Именно он попросил Эдит сыграть им на фортепьяно. На этом прощальном обеде мистер Грей был настолько остроумен и хорош, что джентльмены задержались в столовой дольше обычного, благодаря чему у женщин завязался оживленный разговор, отрывки которого Маргарет удалось подслушать.

— Мне многое пришлось терпеть в замужестве. Я была вполне счастлива в браке с моим дорогим генералом, но все же разница в годах создавала помехи. Поэтому я решила, что Эдит не должна

столкнуться с чем-то подобным. Конечно, даже без учета материнского пристрастия я предвидела, что мое дитя выйдет замуж в раннем возрасте. И, поверьте мне, я часто говорила, что она вступит в брак еще раньше, чем ей исполнится девятнадцать лет. Мой пророческий талант не подвел меня, и когда капитан Леннокс...

Ее голос понизился до шепота, но Маргарет легко восполнила пробел в потоке слов. Процесс искренней любви у Эдит протекал довольно гладко. Миссис Шоу, как она сказала, положила на свои предчувствия и даже настояла на браке, хотя многие друзья семейства прочили для юной и красивой наследницы более удачную партию. Однако миссис Шоу заявила, что ее единственная дочь вольна вступать в брак по любви (при этих словах она печально вздохнула, намекая, что данное чувство не являлось ее мотивом при выходе замуж за почтенного генерала). Можно сказать, что она наслаждалась романтикой помолвки больше, чем ее дочь. Конечно, Эдит была влюблена в капитана. Но она скорее предпочла бы хороший особняк в Белгравии, чем ту тревожную и увлекательную жизнь на Корфу, о которой рассказывал ее жених.

Его истории, так сильно воспалявшие воображение Маргарет, приводили Эдит в нервный трепет — во-первых, из-за удовольствия от нежных уговоров своего возлюбленного и, во-вторых, из-за нежелания менять налаженный быт на кочевую жизнь. Однако, приди к ней другой поклонник — владелец красивого дома, знатного имени и высокого титула, — она не поддавалась бы искушению и осталась бы с капитаном Ленноксом, хотя, наверное, позже переживала бы приступы плохо скрываемого сожаления, оттого что ее суженый не обладал подобными желаемыми репутациями. В этом отношении она была истинным ребенком своей матери, которая, пойдя на обдуманый брак с генералом Шоу (без каких-либо возвышенных чувств, кроме уважения к его личности и социальному положению), постоянно, хотя и тихо, оплакивала свое нелегкое существование с тем, кого не любила.

Через некоторое время Маргарет услышала продолжение разговора.

— Я не буду экономить на ее приданом. Она получит все красивые шарфы и индийские шали, которые дарил мне генерал. Я ведь все равно не буду их носить.

— Она счастливая девушка, — прозвучал другой голос, который, как знала Маргарет, принадлежал миссис Гибсон — леди, питавшей к беседе особый интерес, поскольку одна из ее дочерей всего лишь две недели назад вышла замуж. — Хелен мечтала получить в подарок индийскую шаль. Но, узнав, какую непомерную цену запросили за эту вещь, я отказала дочери. Теперь, услышав о ваших индийских шалах, она будет сильно завидовать Эдит. А какого они вида? Это те, что из Нью-Дели? С красивой маленькой каймой?

Маргарет снова услышала голос тети. Похоже, миссис Шоу приподнялась с кушетки и повернулась к затемненному входу в малую гостиную.

— Эдит! — позвала она. — Эдит, ты слышишь?

Затем она замолчала, будто утомившись от усилий. Маргарет вышла из комнаты в зал.

— Ваша дочь уснула, тетя Шоу. Могу ли я чем-то помочь?

При этих словах все леди сочувственно запричитали: «Бедное дитя!» Их шумная вспышка жалости разбудила маленького мопса, дремавшего в руках миссис Шоу. Собачка начала лаять.

— Тише, Тини! Испорченная девочка! Ты разбудишь свою хозяйку. Маргарет, дорогая, я хотела отправить Эдит к Ньютон с просьбой принести нам шали. Может, ты сходишь к ней?

Маргарет поднялась в старую детскую, расположенную на верхнем этаже. Теперь здесь хозяйничала Ньютон. Служанка проверяла кружева, необходимые для свадьбы. Пока Ньютон с ворчанием доставала из шкафа индийские шали — за этот день их показывали гостям четыре или пять раз, — Маргарет с грустью осматривала комнату, вспоминая, как девять лет назад ее привезли в Лондон (можно сказать, прямо из леса), чтобы сделать компаньонкой по играм и урокам для кузины Эдит. В этой темной, типичной для Лондона детской заправляла аскетичная манерная няня, которая придирчиво следила за чистотой их рук и опрятностью платьев. Здесь же состоялось ее первое чаепитие — отдельно от отца и тети, обедавших где-то внизу под бесконечными лестничными пролетами. По ее наивной логике, она находилась наверху, то есть на небе. Значит, взрослые обедали внизу, в самых недрах земли. Дома — до того, как она перееха-

ла в особняк на Харли-стрит, — гостиная служила ей детской комнатой, в которой она проводила много времени, и Маргарет всегда обедала и завтракала вместе с родителями.

Но хорошо ли воспитанной и гордой восемнадцатилетней девушке вспоминать горькие слезы разлуки, пролитые маленькой девятилетней девочкой, в ту первую ночь прятанной свое лицо под одеялом? Няня велела ей не плакать: ведь она могла разбудить и расстроить мисс Эдит. Однако Маргарет рыдала еще сильнее, пусть и тише, до тех пор, пока ее величественная и милая тетя не поднялась наверх, чтобы показать мистеру Хейлу его маленькую дочь. И тогда она, проглотив рыдания, притворилась спящей. Маргарет боялась огорчить отца своими безутешными слезами и показать их тете. Было неправильно вести себя так после долгих надежд и планов, которые они лелеяли дома, прежде чем ей подобрали гардероб, соответствующий знатному окружению, и прежде чем папа смог оставить на несколько дней свой приход, чтобы отвезти ее в Лондон.

С той поры она успела полюбить детскую комнату, хотя сейчас ее переделали в помещение для прислуги. Маргарет снова осмотрелась вокруг. Мысль о том, что через три дня она должна была покинуть дом тети, пробудила в ней мягкое сожаление.

— Ах, Ньютон, — сказала она, — я думаю, мы все будем с тоской вспоминать эту милую комнату.

— Может, кто и будет, мисс, но только не я. Мои глаза уже не так хороши, как в молодости, а освещение здесь плохое, поэтому для починки кружев мне приходится сидеть у окна. Там всегда ужасный сквозняк — такой, что можно околеть от холода.

— Надеюсь, что в Неаполе вам хватит и тепла, и света. И штопать, наверное, придется не меньше, чем здесь. Спасибо, Ньютон. Я сама отнесу их вниз. Вы же заняты.

С наслаждением вдыхая пряный запах шалей, Маргарет спустилась в большую гостиную. Так как Эдит еще спала, тетя попросила ее на себе продемонстрировать великолепие индийских нарядов. Никто, конечно, не сказал об этом, но высокая и стройная Маргарет, облаченная в черное шелковое платье, которое она носила как траур по дальнему родственнику, поразила всех своей красотой. Яркие пестрые шали, наброшенные на плечи девушки,